

Восемнадцать слоев ада зовутся так вовсе не потому, что они громоздятся друг над другом, подобно этажам. Разница крылась в самом пространстве и в карах, что ждали там грешников. Располагались эти казематы на самом севере Города Фэнду — в самой холодной и мрачной обители Подземного царства.

Стоило лишь приблизиться к проходу, как навстречу рванул ледяной сквозняк. Пронизывающий холод впился в плоть, пробирая до самых костей, и заставил Люцзина невольно содрогнуться.

Хухэ, давно перешагнувший грань между жизнью и смертью, остался равнодушен. Эта замогильная стужа не могла причинить ему вреда.

— Для начала заглянем в Ад вырывания языков, — предложил Хухэ.

Именно туда вчера отправили на мучения Чэнь Цзяо. Люцзин последовал за спутником. Стоило им миновать зев прохода, как взору открылась иная картина. Этот глухой, леденящий душу угол преисподней разительно отличался от остального подземного мира. Повсюду вздымались причудливые скалы, уходящие вершинами во тьму, словно подпирая свод. Казалось, весь этот ярус высечен в исполинском гроте, а каждый слой ада представлял собой подобие открытой каменной пещеры.

Даже безглазый или глухой без труда представил бы, насколько ужасны эти бездны. Еще на подходе к первому слою воздух содрогнулся от пронзительных воплей — разрывающих душу криков нестерпимой муки.

Кошмар Ада вырывания языков крылся в самой сути наказания: грешникам заживо вырывали языки металлическими щипцами. Лишенные плоти призраки обладали способностью исцеляться, но стоило языку вырасти вновь, как палачи принимались за дело с самого начала. Замкнутый круг. Тех, кто попадал сюда, ждала не просто жестокая расправа, а вечная, непрекращающаяся пытка.

Расплата за грехи бренного мира была неотвратимой: за каждое злодеяние, совершенное при жизни, рано или поздно приходилось платить.

Призрачный посыльный, стерегший этот слой, оказался бдителен. Заметив гостей на пороге, он тут же поспешил им навстречу. Люцзин смутно помнил его лицо — именно этот прислужник вчера увел душу Чэнь Цзяо из Дворца Яньло.

Кланяясь, посыльный произнес:

— Приветствую вас, господин судья. Мое почтение, молодой господин Хухэ.

Люцзин ожидал, что Хухэ ответит на приветствие, однако тот лишь хранил надменное молчание. Чтобы сгладить неловкую паузу, судье пришлось деликатно кашлянуть:

— Кхм... Я прибыл по личному поручению господина Яньгу. Мне велено провести осмотр слоев ада.

— Понимаю. Прошу вас, следуйте за мной, — покорно отозвался посыльный и повел их вглубь каменных лабиринтов.

Из расщелин скалистого коридора вырывались новые вопли. Звуки эти, пронзительные, терзали слух, отдаваясь резкой болью в ушах.

Цзюцин когда-то в красках расписывал Люцзину устройство преисподней, упоминая и слои страданий. По его живоописаниям Люцзин уже пытался представить эти казематы — место, которого до дрожи боялась любая неприкаянная душа в Подземном царстве.

Здесь царило непрерывное, изнуряющее безумие: вечное угасание, возрождение и новые терзания, превосходящие по силе любую земную боль.

Чэнь Цзяо привели сюда вчера, с тех пор минуло едва ли двенадцать страж. При первой их встрече она выглядела опрятной, с чистым лицом, теперь же ее едва ли можно было узнать: одежда пропиталась кровью и превратилась в лохмотья, а на лице застыла маска немого ужаса. Горькое, жалкое зрелище.

Все грешники томились привязанными к массивным каменным столбам. Они не могли даже пошевелиться, полностью преданные на милость палачей. Возле каждого столба стоял деревянный ушат со следами запекшейся крови. Внутри копошилось мерзкое месиво — сорванные, окровавленные языки.

В удушливом воздухе пещеры стоял густой, приторный запах бойни. Люцзин явился в самый неподходящий момент: как раз подходило время, когда у измученных душ отрастали новые языки. На регенерацию уходило около трех часов, и преисподняя не собиралась дарить грешникам лишнюю минуту передышки.

Очередь Чэнь Цзяо была на подходе. К облегчению Люцзина, надзиратель благоразумно отвернул её, избавив от лишних страданий. Как-никак, она была первой грешницей, чью судьбу он вершил на посту судьи. Даже призраки в чужом и пугающем мире невольно тянутся к тем, кого встретили первыми, и Люцзин не был исключением.

Напротив Чэнь Цзяо у столба стонала другая покойница, на вид чуть старше ее. Спутанные патлы падали на серое лицо, она бессмысленно таращилась в пустоту остекленевшими глазами, а лохмотья, некогда бывшие платьем, покрывала такая корка грязи и сукровицы, что на нее тошно было смотреть.

Палач шагнул к ней, занеся тяжелые железные клещи. Грубый металл намертво вцепился в скользкую, алую плоть. Язык дернулся, брызнула слюна, смешанная с сукровицей, распространяя тошнотворный смрад.

В следующее мгновение раздался резкий, влажный хруст. Оторванная плоть осталась в тисках клещей, а пещеру огласил оглушительный, захлебывающийся крик, переходящий в хриплый вой.

Люцзин заворуженно и с ужасом смотрел, как вырванный язык все еще подергивался в железных зубьях, словно пытаясь выразить последнее беззвучное проклятие.

Ему уже доводилось видеть, как Цзюцин варит похлебку из покойников или запекает в печи человеческие ладони, но тогда он не присутствовал при самой готовке, отчего те картины казались лишь дурным сном. Теперь же изуверская расправа творилась прямо перед его глазами. Желудок Люцзина судорожно сжался, к горлу подкатил ком нестерпимой тошноты.

Заметив, что судья сделался бледным как полотно, а он сам покрылся испариной, призрачный посыльный встревоженно спросил:

— Господин судья, вам нехорошо?

Люцзин лишь слабо махнул рукой, не смея раскрыть рта, чтобы не скомпрометировать себя прямо на глазах у подчиненных.

Хухэ, в ком наконец-то проснулось подобие сострадания, повернулся к надзирателю:

— Благодарю за службу. Мы с судьей продолжим обход.

С этими словами они покинули кровавую обитель.

Они прошли уже приличное расстояние, однако Люцзин так и не смог прийти в себя. На лице шедшего рядом Хухэ не отразилось ни единой эмоции. Тем не менее Люцзин готов был поклясться: последовавший вопрос прозвучал с умыслом.

— Знаешь ли ты... куда девают все эти вырванные языки? — вкрадчиво поинтересовался Хухэ.

Куда еще? Неужели не выбрасывают на свалку или не сжигают в геенне огненной в качестве растопки?

— Должно быть... сбрасывают в огненное озеро? — предположил Люцзин севшим голосом.

— Угадал лишь наполовину, — Хухэ холодно и едва заметно усмехнулся. — В подземных чертогах есть два слоя: Ад пароварок и Ад масляных котлов. Все отсеченные конечности и вырванные языки отправляют прямиком туда — варить на пару или жарить во фритюре. — Он бросил на спутника быстрый взгляд. — А ведомо ли тебе, для чего нужны эти хрустящие обеды?

Люцзин впервые видел, как этот надменный юноша улыбается, но радоваться было нечему. От его слов мороз шел по коже. Разумеется, лучше всего было промолчать, но поддавшись гипнотическому взгляду Хухэ, Люцзин тихо выдавил:

— И... для чего же?

— Десятый слой — Ад коровьей ямы. Палачами там служат вовсе не черти, а разъяренные звери. Туда-то и привозят эти сваренные и обжаренные куски плоти, чтобы кормить диких животных.

В этот миг Люцзин окончательно убедился, что Хухэ либо питает к нему личную неприязнь, либо просто издевается. Сдерживаться больше не хватало сил. Прижавшись плечом к выступу скалы, он согнулся пополам, и его шумно вывернуло наизнанку.

Хухэ, казалось, так и расцвел, однако притворился крайне изумленным:

— Ба, да тебе никак нездоровится?

"Первым делом, когда вернусь в палату, посмотрю в зеркало, — уныло подумал Люцзин. — Вдруг у меня на лбу крупными иероглифами выведено: «Пните меня полегче»".

Второй круг преисподней звался Адом ножниц. Сюда низвергали тех, кто при жизни подстрекал вдов к повторному браку или избавлялся от опостылевших мужей с помощью яда. Наказание здесь вершилось незамысловато: прислужники ада медленно, один за другим, отстригали грешникам пальцы.

Ошеломленный увиденным в Аду вырывания языков, Люцзин наотрез отказался переступить порог этого слоя. Одно воспоминание о том, как боль от покалеченных пальцев пронзает до самого сердца, заставило его собственные ладони мелко задрожать.

Хухэ на удивление легко уступил. Они остановились у самого входа, созерцая пытки издалека. Возле каждого столба стоял деревянный ушат со следами запекшейся крови, а бурые, растрескавшиеся стены давно потеряли первоначальный цвет под наслоениями запекшейся грязи. Очередная казнь только что завершилась. Изувеченные призраки безвольно повисли на цепях, хрипя и содрогаясь всем телом. "Если бы духи могли умирать от болевого шока, — подумал Люцзин, — они бы испустили дух уже тысячу раз".

За те две недели, что он провел в царстве мертвых, Люцзин благодаря Цзюцину успел повидать всякого. Но стоя у врат этих бездн, он осознал: все прежнее было лишь детской забавой. Слава восемнадцати слоев ада была заслуженной и ужасающей.

К концу обхода ноги Люцзина подкашивались, лицо отливало мертвенной белизной, а измученный желудок сводило спазмами, хотя извергать было уже нечего.

Хухэ все же настоял на своем и притащил его в Ад коровьей ямы, где звери пожирали человеческую плоть, являя собой жуткое отражение людского мира.

Бродя по извилистым каменистым тропам, Люцзин чувствовал себя опустошенным. Он едва передвигал ноги, а перед глазами с пугающей четкостью прокручивались кошмарные картины: оторванные языки, изувеченные пальцы, сваренные заживо и высушенные грешники, чья плоть восстанавливалась лишь для того, чтобы их вновь бросили в кипящее масло. Зрелище растерзанных тел и багровых луж навевало стойкое предчувствие, что грядущая ночь превратится в один сплошной кошмар.

Хухэ безучастно наблюдал за тем, как его спутник едва волочит ноги. Очевидно, силы Люцзина были на исходе.

— Похоже, ты не слишком годишься для службы в суде, — сухо заметил он.

Люцзин не понял, к чему клонит Хухэ. Если дело было лишь в его слабости, то спорить глупо.

— Никто не рождается готовым ко всему, — попытался оправдаться он. — К любому делу нужно привыкнуть.

— Вот как? — прищурился Хухэ. — Тебе кажутся жестокими эти кары?

Его пронизательность была объяснима: Люцзин и не пытался скрывать своих чувств. Его тошнота и слабость рождались из глубинного протеста против увиденных зверств.

В стертой памяти Люцзина не осталось воспоминаний о мире живых, о людских коварствах и пороках. Все, чем он владел теперь, укладывалось в последние две недели: искренность Цзюцина, ненавязчивая забота Яньгу и благосклонность обитателей преисподней, которые, хоть и были суровы, не казались исчадиями ада. Люцзин питал надежду на милосердие, а потому увиденное ранило его до глубины души.

— Я лишился прошлого и не знаю, кем был прежде, — тихо произнес он. — Но сейчас я чувствую лишь благодарность к тем, кто приютил меня здесь.

Хухэ словно сдерживал себя, но в конце концов не выдержал и презрительно хмыкнул:

— Поразительная наивность.

Люцзин прекрасно осознавал, для чего созданы мучилища, но искренне не понимал, в чем его наивность.

— А разве я не прав?

— И это все, что ты вынес отсюда? — спросил Хухэ. — Буддисты твердят о равенстве всего сущего, но человек упорно мнит себя выше бессловесной твари. Насилие правит этим миром, закон здесь один — слабый всегда становится пищей для сильного, и никого не волнуют чужие слезы или разлука пред лицом смерти.

Люцзин впервые видел Хухэ таким — бесстрастная маска дала трещину, обнажив сдерживаемый гнев. Его взгляд был настолько ледяным, что от одного неосторожного взгляда могла замерзнуть сама душа.

— Люди без зазрения совести пожирают себе подобных, что уж говорить о зверях? — холодно продолжил Хухэ. — Я благодарен Небесному закону за то, что колесо Сансары исправно крутится и существует Ад коровьей ямы.

Людоедство? Хухэ был кругом прав: сколько трактиров на Призрачном рынке торговали блюдами из человечины? Но почему он выражал такую признательность именно Аду коровьей ямы?

— Хухэ... при чем здесь этот слой? — Люцзин знал, что туда ссылают тех, кто при жизни истязал и убивал беззащитных животных.

— Ты рассуждаешь о жестокости лишь потому, что тебе не доводилось видеть, как с самого дорогого тебе существа заживо сдирают шкуру, — отчеканил Хухэ.

Слова застряли у Люцзина в горле. Он не нашелся с ответом, но в груди внезапно вспыхнула резкая, щемящая боль, словно невидимые тиски сжали его сердце.

— Я...

Взгляд Хухэ скользнул по его лицу, обдав замогильным холодом:

— Пока память не вернулась к тебе, цени то, что имеешь.

Развернувшись, он стремительно пошел прочь. Люцзин остался стоять в одиночестве, гадая, что крылось за этими словами. Ошибиться было трудно: в голосе его сурового спутника явственно звучало предостережение.

<http://bllate.org/book/18339/1785067>